

И. А. Аполлонов

Мультикультурализм и проблема границ культуры

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российской Федерации
в лице Министерства образования и науки Российской Федерации
в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык»

В статье исследуются культурные основания мультикультурализма как пространства становления «второй природы» человека. Показано, что теория и практика мультикультурализма, провозглашающая равенство разнообразных культур, направлена не только на преодоление европоцентризма, но и на деконструкцию метафизических оснований культуры, любой претензии на утверждение подлинности человеческой природы. Подобная деконструкция разрушает целостность социокультурного пространства, превращая его в общество различий, не способное к творческому диалогу культур. Обосновано, что условием продуктивного диалога культур являются не только горизонтальные межкультурные границы, но и вертикальная граница культуры, сопрягающая ее партикулярные особенности с апофатическим горизонтом универсальных общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: мультикультурализм, диалог культур, граница культуры, апофатический холизм.

I. A. Apollonov

Multiculturalism and Problem of Borders of Culture

The article examines the cultural roots of multiculturalism as a space of becoming «second nature» of man. It is shown that the theory and practice of multiculturalism, which proclaims the equality of different cultures, is aimed not only at overcoming Eurocentrism, but also at the deconstruction of the metaphysical foundations of culture, any claim to assert the authenticity of human nature. Such deconstruction undermines the integrity of the socio-cultural space, turning it into a society of differences, incapable of creative dialogue of cultures. It is proved that condition for the productive dialogue of cultures is vertical border culture, conjugating its particular features with apophatic horizon of universal values.

Keywords: multiculturalism, dialogue of cultures, border of culture, apophatic holism.

Мультикультурализм становится все более заметной чертой современного мира и как теоретическая модель социального мироустройства, и как распространяющаяся на все большее количество стран общественно-политическая практика. Подобные теория и практика, направленные на сохранение многообразия социокультурных миров, обостряют проблему границы культуры, поскольку в мультикультурном обществе границы между культурными различиями из внешне положенных становятся внутренними. Тем самым они теряют пространственную определенность, становясь структурообразующей частью глобального космополитического общества. Перефразируя персонажа известной советской комедии, можно сказать, что любой постиндустриальный мегаполис – это множество миров, множество образов жизни. Соответственно, современный человек существует на пересечении такого культурного многообразия.

В свою очередь, граница является базовым лоскутом культуры как особого рода реальности. По меткому выражению Михаила Бахтина, «внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах ... отвлеченный от границ, каждый акт культуры теряет почву, становится

пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [2, с. 284–285]. Инокультурный Другой высвечивает границы самопонятной очевидности привычных культурных норм и тем самым запускает процесс рефлексии собственной культуры, ее ценностного ядра и смысложизненных оснований.

Подобный подход определяет в качестве основы культуuroобразования диалог, вхождение в который пробуждает самосознание культуры, позволяет продуцировать новые культурные формы и смыслы. Соответственно, каждая культура живет в диалоге, причем диалог культур не только обогащает каждую из них, но и необходим для осознания ими собственной уникальности [7, с. 24].

Диалог определяет культуру как семиосферу, иерархию текстов, внутри которых разворачивается смысловая динамика освоения мира, представляющая собой их взаимоперевод и экзегезу. Вхождение в семиосферу порождает «вторую природу» человека, причем диалог, открывающийся на границе культуры, порождает не просто актора, носителя определенного социокультурного кода, а именно субъекта культуры, ее со-творца. В данном контексте культура предстает той формой, в кото-

рой человек на деле готов практиковать свою сложность [5, с. 173].

Казалось бы, мультикультурализм, умножающий границы культурного многообразия общества, должен привести к взрывному взлету культуры, перевести ее на новый качественный уровень. Однако этого не происходит: творческий поиск современной культуры постмодернизма представляет собой бесконечную игру с коннотациями, следами и повторами прежних культурных форм. Более того, теория и практика мультикультурализма подвергается критике, причем со стороны как ревнителей самобытности традиционной культуры, так и защитников традиции европейского Просвещения и ценностей западного либерализма.

Соответственно, возникает вопрос: а какова культурная составляющая мультикультурализма? Теоретики мультикультурализма, обосновывающие модель общества, состоящего из множества культурных миров, рассматривают свою концепцию как проект освобождения человека от репрессивного для его существа монолога европоцентристской культуры тождества Разума, связанного с традицией Просвещения. Подобная традиция утверждает единые основания разумности человеческой природы и, как следствие, единые основания для наилучшего мироустройства человеческой жизни. Реальное разнообразие нравственных норм и социокультурных различий при таком подходе рассматриваются как нечто второстепенное, относительное, исторически обусловленное.

Напротив, теоретики мультикультурализма подчеркивают, что современный мир представляет собой плюрализм жизненных ценностей, плюрализм образов жизни, плюрализм религий и плюрализм культур [10, с. 75]. При этом разные культуры реализуют различное понимание хорошей жизни: представлений о человеческих добродетелях, особенностях социальных ролей, норм повседневных жизненных практик, образцов человеческого общежития. В моральной вселенной мультикультурализма ни одна из них не является ничтожной, и каждая заслуживает, по крайней мере, какого-то уважения за то, что она значит для своих членов, а также за свою творческую энергию.

Вместе с тем каждая из имеющихся культур не может быть совершенной. Ведь обратной стороной специфики культурных особенностей становятся соответствующие им внутренние ограничения, поэтому ни одна из существующих культур и не может вместить всего богатства и полноты человеческого существования [11, р. 336–344]. Соответственно, никакая культура и не имеет права навязывать другим собственные стандарты, нормы и ценности, поскольку культуры лучше всего изме-

няются изнутри, реализуя ресурсы собственных традиций.

Подобный подход представляется справедливым преодолением абстрактности атомарного общества политических «общечеловеков» и претензии на общезначимость норм западного либерализма, равно как и любой другой идеологии, в современном мире. Справедливым представляется утверждение бытийной и этической равнозначности различных культур и, соответственно, критика идеологии культурного доминирования, «бремени белого человека», деления культур (а как следствие, и их носителей) на высшие, прогрессивные, передовые и низшие, реакционные, отсталые, варварские.

Вместе с тем модель мультикультурного общества содержит ряд онтологических проблем. Прежде всего, возникает вопрос о способе мультикультурного сосуществования в едином социальном пространстве. Идеологи мультикультурализма в этом вопросе настроены очень оптимистично. Так, Бхикху Парех настаивает, что культурное разнообразие естественным образом должно привести к диалогу культур, поскольку каждая из них нуждается в других для лучшего понимания себя, чтобы расширить свой ментальный и этический горизонт и оградить его от искушения к абсолютизации собственных ценностей. К тому же такой диалог примиряет культуру и с собственной внутренней плюральностью, что является условием ее внутренней гармонии и творческого саморазвития [11, р. 336–344]. При этом Б. Парех считает, что главное условие диалога культур – внутренняя готовность каждой из них к изменению собственного нормативно-ценностного содержания.

Однако подобное условие противоречит парадигмальной установке мультикультурализма. Ведь критическое отношение к собственным социокультурным формам сложно сочетать с принципом аксиологической герметичности культурного многообразия, при котором значимость отличительных черт культуры становится самоценностью, основанием претензии ее носителей на социальную поддержку и политические преференции. Последовательное отстаивание подобной парадигмы легко превращает диалог культур в какофонию утверждения собственной отличительности.

Акцент на значимости «мульти-» превращает общекультурное пространство в экстенциональное вместилище отдельных локусов культуры, что Ч. Кукатас выразил в метафоре «Архипелаг сообществ» [3]. В данном контексте семиосфера как коммуникационное образование, созданное для обеспечения диалога, трансформируется в инфосферу в виде некоего медиапространства, в которое

погружаются все культуры, вынужденные работать по законам этого нового образования [8, с. 148]. Отдельные локусы культуры в данном пространстве теряют свою сопричастность к универсальному общечеловеческому ценностно-смысловому горизонту, который, при потере задачи на смысл бытия человека, распадается на простую сумму информационных единиц человеческого бытования.

Таким образом, справедливая борьба идеологов мультикультурализма против диктата претендующей на универсальность нормативно-ценностной системы Западной культуры, основанной на традиции европейского Просвещения и либерализма, оборачивается отрицанием культурного универсализма как такового. В результате утверждается гетерология различия в социокультурном пространстве, ведущая к признанию несоизмеримости ценностных оснований культуры и равноценности каждой из них. Но при этом разрушаются онтологические основы общекультурного пространства, а следовательно – и собственно культурность мультикультурализма.

Соответственно, феномен культурной границы амбивалентен: он может как сопрягать культурные миры, так и разъединять их. Во втором случае инокультурный Другой становится Чужим, который в спокойной ситуации просто индифферентен, а в обстановке социального напряжения легко может превратиться в Монстра. Такое превращение имеет и обратную сторону: социальная конфронтация повышает уровень групповой сплоченности, но вместе с тем снижает сложность и многогранность ее культурного мироустройства.

Таким образом, наличие различных культурных миров является необходимым, но недостаточным основанием процедуры диалога культур, который содержательно обогащает и усложняет каждую из них. Основным условием режима культурной диалогичности, при котором культурные формы как определенный набор «генов» «прорастают» в собственно культуру, по мнению Ю. М. Лотмана, проявляется в наличии в культурном коде «пустых клеток» как резерва непознанного, неопределенного, неосмысленного. Именно они разрывают механический автоматизм стимул-реактивных связей и открывают место осознанному действию, поступку, основанному на оценке и выборе [4, с. 578]. Подобная презумпция незнания, точнее, апофатической истины в качестве главного условия диалога, начиная с Сократа, становится общим местом в рассмотрении данного феномена. В частности, В. М. Межуев отмечает, что диалог возникает в режиме незнания истины, ее сокрытости от человека и поэтому диалогом является не всякий досу-

жный разговор, а путь к истине [6, с. 66].

На наш взгляд, подобные «пустые клетки» представляют собой не только неуверенность в полноте и достоверности знаний. Прежде этого в такой пустоте присутствует предвосхищение совершенства смысла и имманентный такому предвосхищению герменевтический разрыв между имеющимся пониманием в его ограниченности и обусловленности и безусловной полнотой понятности; онтологическая дистанция между наличным «есть» и должным «быть».

Поэтому диалог и экзегеза как способ бытия культурной формы находят свое основание в открытой К. О. Апелем трансцендентальной языковой игре идеального коммуникативного сообщества, в которую «могли и должны были бы играть все разумные существа». Имплицитное предвосхищение такой игры присутствует во всяком осмысленном поведении как условие возможности и значимости действия как именно осмысленного действия. И такое предвосхищение связано с устремленностью к тождественности индивидуального «я мыслю» и логоса идеального коммуникативного сообщества [1, с. 253–261]. Предвосхищение такого логоса, предчувствие, интуиция, ощущение ускользающего мерцания Правды, на наш взгляд, и составляет подлинную природу культурных универсалий, генерирующих апофатическую целостность смыслового пространства межкультурного диалога, в ходе которого происходит экспликация и утверждение, осуществление этого предвосхищения в тех самых кодах, программах и образцах, образующих катафатическое содержание культуры. Соответственно, «культурность» культуры, с одной стороны, в экстенциональном аспекте представляет собой наличную данность ее форм и артефактов, но, с другой стороны, содержательно превосходит эту наличную данность, поскольку выводит человека за пределы такой данности в попытке различить в ней подлинно культурное основание от конкретно-исторических условностей и варварских напластований.

Поэтому диалог культур разворачивается не только на горизонтальных границах между культурными мирами. Решающее значение имеет граница вертикальная, различающая реально существующие формы обыденной жизни и горизонт идейной образцовости, с которым связан пафос подлинности родовой природы человека: быть Человеком с большой буквы, настоящим мужчиной, мужем, отцом, другом, профессионалом. Проникновение в этот горизонт и определяет культуuroобразование культуры как «второй природы», поскольку именно здесь обретаются ценностные основания смысложизненных устремлений человека

и человеческого общежития, того, «что признаем мы объективным смыслом и оправданием нашей жизни» [9, с. 639].

Вертикальная граница культуры сопрягает партикулярные особенности обустройства жизненного мира, определяющие его культурные нормы, образцы с апофатическим пространством идеалов, устремленных к предельному совершенству универсальной родовой сущности человека, определяющей подлинность его «второй природы». Подобная устремленность определяет динамику культурных смыслов, разворачивающуюся в межкультурном диалоге.

Библиографический список

1. Апель, К.-О. Трансформация философии [Текст] / К.-О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
3. Кукатас, Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы [Текст] / Ч. Кукатас ; пер. с англ. Н. Эдельмана ; под науч. ред. А. В. Куряева. – М. : Мысль, 2011. – 482 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2004. – 704 с.
5. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию [Текст] / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс, 1992. 416 с.
6. Межуев, В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном обществе [Текст] / В. М. Межуев // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 65–73.
7. Меликов И. М., Гезалов А. А. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы [Текст] / И. М. Меликов, А. А. Гезалов // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 24–35.
8. Миронов В. В. Трансформация культуры: угроза диалогу [Текст] / В. В. Миронов // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. XIII. – Вып. 3 (№ 65–66). – С. 144–152.
9. Флоренский, П. А. Христианство и культура [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : АСТ, 2001. – 672 с.
10. Хомяков, М. Б. Брайон Берри: либеральный универсализм против мультикультурализма и национализма [Текст] / М. Б. Хомяков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Том X. – № 1. – С. 74–100.
11. Parekh B., Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory, London: MacMillan, 2000, pp. 336–344.

Bibliograficheskiy spisok

1. Apel', K.-O. Transformacija filosofii [Tekst] / K.-O. Apel'. – M. : Logos, 2001. – 344 s.
2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Iskusstvo, 1979. – 423 s.
3. Kukatas, Ch. Liberal'nyj arhipelag. Teorija raznobrazija i svobody [Tekst] / Ch. Kukatas ; per. s angl.

N. Jedel'mana ; pod nauch. red. A. V. Kurjaeva. – M. : Mysl', 2011. – 482 s.

4. Lotman, Ju. M. Semiosfera [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo – SPB, 2004. – 704 s.

5. Mamardashvili, M. K. Kak ja ponimaju filosofiju [Tekst] / M. K. Mamardashvili. – M. : Progress, 1992. 416 s.

6. Mezhuiev, V. M. Dialog kak sposob mezhkul'turnogo obshhenija v sovremennom obshhestve [Tekst] / V. M. Mezhuiev // Voprosy filosofii. – 2011. – № 9. – S. 65–73.

7. Melikov I. M., Gezalov A. A. Dialog kul'tur i kul'tura dialoga: konceptual'nye osnovy [Tekst] / I. M. Melikov, A. A. Gezalov // Voprosy filosofii. – 2014. – № 12. – S. 24–35.

8. Mironov V. V. Transformacija kul'tury: ugroza dialogu [Tekst] / V. V. Mironov // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. – 2011. – T. XIII. – Vyp. 3 (№ 65–66). – S. 144–152.

9. Florenskij, P. A. Hristianstvo i kul'tura [Tekst] / P. A. Florenskij. – M. : AST, 2001. – 672 s.

10. Homjakov, M. B. Brajon Berri: liberal'nyj universalizm protiv mul'tikul'turalizma i nacionalizma [Tekst] / M. B. Homjakov // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2007. – Tom X. – № 1. – S. 74–100.

11. Parekh B., Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory, London: MacMillan, 2000, pp. 336–344.

Reference List

1. Apel K.-O. Transformation of philosophy. – M. : Lagos, 2001. – 344 pages.
2. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. – M. : Iskusstvo, 1979. – 423 pages.
3. Kukatas Ch. Liberal archipelago. Theory of a variety and freedoms; translated from English by N. Edelman; under scientific editorship of A. V. Kuryaev. – M. : Mysl, 2011. – 482 pages.
4. Lotman Yu.M. Semiosphere. – SPb. : Iskusstvo – SPB, 2004. – 704 pages.
5. Mamardashvili M. K. As I understand philosophy. – M. : Progress, 1992. – 416 pages.
6. Mezhuiev V. M. Dialogue as a way of cross-cultural communication in modern society // Philosophy Questions. – 2011. – № 9. – Page 65–73.
7. Melikov I. M., Gezalov A. A. Dialogue of cultures and culture of dialogue: conceptual bases // Philosophy Questions. – 2014. – № 12. – Page 24–35.
8. Mironov V. V. Transformation of culture: threat to dialogue // Personality. Culture. Society. – 2011. – V. XIII. – Issue 3 (№ 65–66). – Page 144–152.
9. Florensky P. A. Christianity and culture. – M. : ACT, 2001. – 672 pages.
10. Khomyakov M. B. Brian Berry: the liberal universalism against multiculturalism and nationalism // the Magazine of sociology and social anthropology. – 2007. – Volume X. – № 1. – Page 74–100.
11. Parekh B., Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory, London: MacMillan, 2000, pp. 336–344.